

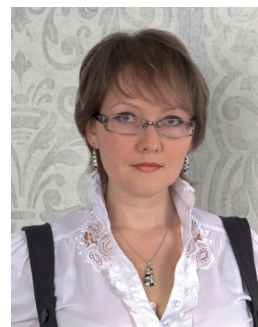

ШАРОЙКО Марина Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы,
теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия

Marina V. SHAROIKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof.,
Department of History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ma-ra@bk.ru

**Рассказ В. Маканина
«Кавказский пленный»:
трансформация
литературных доминант
традиционного мотива**

**Vladimir Makanin's Short Story
„Caucasian Captive“:
the Transformation
of Literary Dominants
of the Traditional Motive**

Рассказ В. С. Маканина сопоставляется в мотивном аспекте с произведениями классиков XIX в. Опираясь на классическую традицию, писатель создает функциональную многозначность мотива плена посредством метафоризации и частичного нивелирования бинарной оппозиции плен / свобода.

Автор статьи отмечает, что в реалистическом (Л. Толстой) и постреалистическом (В. Маканин) пространстве устоявшиеся литературные типы русского солдата, горцев подвергаются дегероизации при сохранении нравственного аспекта. В произведении В. Маканина отсутствует героический пафос войны, изображающейся в обывательном ракурсе. Мотив красоты у В. Маканина тесно связан с религиозно-художественной философией классики XIX в., но реализован в новых условиях переходного времени.

Изучение модификации и трансформации литературных доминант «кавказского» мотива в современной литературе позволяет выявить новые культурные коннотации этой темы в пространстве исторического дискурса конца XX в. и обозначить духовно-бытийные координаты, актуальные в любую эпоху.

Ключевые слова: В. Маканин, «Кавказский пленный», трансформация мотива красоты, концепция плена, Кавказская война.

The short story of Vladimir S. Makanin is compared in a motivational aspect with the works of the classics of the 19th century. Relying on the classical tradition, the writer creates a functional multivalued motive of captivity through metaphorization and partial leveling of the binary opposition „captivity / freedom“.

The author of the article notes that in the realistic (Leo Tolstoy) and postrealistic (Vladimir Makanin) space the established literary types of the Russian soldier and mountaineers are losing their heroic content while preserving their moral aspect. In the work of V. Makanin there is no heroic pathos of the war that is depicted in the conventional perspective. The motive of beauty in B. Makanin's short story is closely connected with the religious and artistic philosophy of the classics of the 19th century, but it was realized in the new conditions of transitional time.

The study of the modification and transformation of the literary dominants of the «Caucasian» motive in contemporary literature makes it possible to reveal new cultural connotations of this topic in the space of historical discourse at the end of the 20th century and to designate the spiritual-existential coordinates that are relevant in any epoch.

Keywords: Vladimir Makanin, «Caucasian prisoner», the transformation of the motive of beauty, the concept of captivity, Caucasian war.

Литературный дискурс, связанный с темой и образами Кавказа, представляет собой мощный пласт культурно-исторического опыта, позволяющий по-новому взглянуть на сложившиеся геополитические и культурологические проблемы.

Интерес русских писателей к Кавказу возник еще в XVIII в. Так, Г. Державин в оде «На возвращение графа Зубова из Персии» восхищался красотой природы и ужасался дикости горцев. Классическая традиция изображения этого топоса в литературе XIX в. основывается на доминантных мотивах войны, плена и любовных взаимоотношений центральных героев. Постреалистический рассказ XX века «Кавказский пленный» В. Маканина диалогически взаимодействует со всеми ранее созданными в данном смысловом аллюзивном контексте произведениями классической литературы, отстраненными от современности эпохами романтизма и реализма. Как верно пишет А. Марченко: «“Вечная война” началась не сегодня и “кавказский узел” без оглядки на Толстого – Лермонтова не развязать» [4].

По словам самого писателя, «сюжет возник именно как трансформация старого сюжета... Сначала это был довольно простецкий рассказ о девушке в мужской одежде, которая была взята в плен, – вот все. ...Эта плененная девушка отбрасывала рассказ в прошлое. И вдруг в какую-то секунду я подумал, что надо оставить его мужчиной. Рассказ сразу стал рассказом XX века» [цит. по: 2, с. 261].

Интертекстуальные доминанты рассказа «Кавказский пленный» заявлены автором уже в композиционной рамке произведения. Прагматическое содержание заголовка, включающее в себя культурные ассоциации и формирующее у читателя предпонимание текста, задает «сюжетную и мотивную перспективу произведения» [6, с. 123]. Титульная ассоциация трансформируется, и классический «пленник» становится новым, другим «пленным». Употребляя прилагательное вместо существительного при номинации своего героя, В. Маканин усугубляет трагичность «кавказского мифа»: если «пленник» – герой активный, он, в конце концов, становится свободным, то «пленный» – пассивен, это перманентное состояние, пленные остаются таковыми навсегда.

Семантические сдвиги, происходящие при переходе от старого контекста к новому, касаются не только номинации, происходит значительное изменение структуры кавказского сюжета: пленным оказывается уже не русский солдат, а красивый кавказский юноша-боевик. Происходит инверсия субъекта и объекта действия в эксплицитной составляющей рассматриваемого мотива.

С философской точки зрения в плену оказываются все участники «вялой» кавказской войны. Эта мысль прямо выражена в разговоре командиров двух воюющих между собой сторон – Гурова и Алибека: «Шутишь, Петрович. Какой я пленный... Это ты здесь пленный! – Смейся, он показывает на Рубахина (...), с рвением катящего тачку: – Он пленный. Ты пленный. И вообще каждый твой солдат – пленный» [3, с. 453]. Герои в плену у войны, которая предстает и как торг, и как игра, и как охота, у чужих идей, заставляющих их воевать за геополитические интересы, в плену человеческих заблуждений и ошибок. (Алибек: «Старики говорят, куда русские, туда и мы и чего мы друг в дружку стреляем» [3, с. 453].) Плен становится у В. Маканина символом тотальной несвободы бытия.

Главный герой рассказа солдат Рубахин оказывается заложником бессмысленной войны и пленным кавказской природы, которая не дает ему уехать: «Каждый раз, собираясь послать на хер все и всех (и навсегда уехать домой, в степь за Доном), он собирал наскоро свой битый чемодан и... и оставался. “И что здесь такого особенного? Горы”, – проговорил он вслух, с озлобленностью не на кого-то, а на себя» [3, с. 477]. В «Мулла-Нуре», втором романтическом произведении А. Бестужева-Марлинского, сюжет строится на переходе героев из одной сферы в другую. Горы представляют верхнюю сферу, они обладают способностью воздействовать на человека, менять его внутренний мир. Такая традиция изображения гор Кавказа сохраняется в русской литературе до наших дней.

Красоту гор Рубахин воспринимает инстинктивно, на подсознательном уровне, генетически впитав ее из исторического прошлого своих предков. Не случайна мысль-оговорка: «Уже который век...» [3, с. 477], «залегавшая-

ся в глубине сознания» героя и заставляющая снова и снова возвращаться к «будоражающим» душу вопросам войны и мира, красоты и смерти, России и Кавказа.

С опорой на классическую традицию в результате метафоризации и частичного нивелирования бинарной оппозиции плен / свобода в нравственно-идейном ракурсе в рассказе В. Маканина создается функциональная многозначность мотива плена.

Рубахин оказывается в метафорическом замкнутом круге – он пленен красотой гор, красотой юноши-боевика и войной, которая эту красоту разрушает. Именно обращение автора к мысли Ф. Достоевского о силе, способной спасти мир, в различных мотивных интерпретациях организует кольцевую композицию рассказа. Эта ключевая смысловая доминанта заявлена в самом начале произведения: «Солдаты, скорее всего, не знали про то, что красота спасет мир, но что такое красота, оба они, в общем, знали» [3, с. 449]. В. Маканин воссоздает экзотическую природу «грозного Кавказа», вызывающую ощущение тревоги, опираясь на романтическую традицию А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Бестужева-Марлинского. «Залитое солнцем» пространство рассказа – величественные горы, поляны «ослепительной желтизны», «рыжие, в осенних красках» бугры – непрерывно восхищает героя своей красотой, но одновременно и настораживает, держит в напряжении и не дает «человеку сойти с пути», «окликает». «Среди гор они чувствовали красоту слишком хорошо – она пугала» [3, с. 449]. В соответствии с толстовским принципом контраста писатель физиологически подробно описывает на фоне этой красоты жуткую картину смерти ефрейтора Бояркова: в него стреляли в спину, в упор; пули вынесли все его нутро наружу – «на земле (в земле) лежало крошево ребер, на них печень, почки, круги кишок, все в большой луже крови» [3, с. 462]. Это не две ранки капитана из «Валерика» М. Лермонтова, из которых чуть-чуть сочится кровь, а неромантическое, страшное, вывернутое наружу нутро. В. Маканин реалистичен: он показывает войну как антигуманное противоестественное человеку действие. К этому эпизоду автор возвращается в продолжение рассказа

четырежды, акцентируя оппозицию красота / смерть.

С другой стороны, именно красота проявляет в душе главного героя человеческие чувства к пленному, которые предположительно могут спасти юношу: «Рубахин был простой солдат, он не был защищен от человеческой красоты как таковой» [3, с. 464], и она заставляет вспомнить о милосердии, чуткости к ближнему. Мотив любви иноверки к герою, редуцированный в «кавказских» повестях Л. Толстого до чувства сострадания, трансформируется у В. Маканина в философский мотив попытки постижения Красоты.

Рубахин «мучительно робеет и теряет» перед непонятной, но очевидной для него силой. Он реагирует, и реакция его, произвольно физиологическая, со стороны души – разрушительна: невыносима нарастающая тревога» [5, с. 206]. Психологическое состояние героя обусловлено его внутренней, не зависящей от воли и разума природой, инстинктивно покоряющейся этой силе. Чувство сострадания к раненому горцу приходит к герою с четким осознанием опасности этой красоты, затем приходит взаимное доверие, неожиданная нежность и робкая виноватость. «Возникает уверенность: прекрасный пленник должен быть убит – независимо от того, опасен он для двух русских солдат или нет, – потому что такую тревогу долго терпеть не с руки» [5, с. 209].

И действительно, все эти чувства, пробужденные красотой, не оберегают горца от гибели, описанной как сцена любовных объятий: «Обнимая за плечо, Рубахин развернул его к себе, юноша... уже сам потянулся к нему, прижался, ткнувшись губами ниже его небритого подбородка... Рубахин оторвал его от земли. Держал в объятиях... Той рукой, что обнимала, Рубахин, блокируя, обошел горло. Сдавил; красота не успела спасти» [3, с. 473]. Любовные объятия трансформируются в объятия смерти. Красота уничтожена, и даже в памяти Рубахин не может сохранить лицо юноши, остается только «невнятная и неинтересная красавица» [3, с. 477].

Как верно заметил А. Генис: «Маканин сумел воплотить в своих зрелых сочинениях архетипический конфликт нашего времени:

душевные муки человека, с изуверской избирательностью обреченного губить то, что он больше всего любит» [1, с. 228].

Сюжет произведения вступает в противоречие с высказанной в начале рассказа фразой о спасительном действии красоты. Рубахин оказывается перед нравственным выбором, но в критической ситуации вынужден, подчиняясь инстинкту выживания, убить пленного, чтобы не подвергнуть смертельной опасности себя и товарища. Ситуация плена и любви в плену приобретает характер нравственного испытания героя. Этот акцент поставлен еще в поэме А. Пушкина, но в романтической интерпретации.

В реалистическом (Л. Толстой) и пост-реалистическом (В. Маканин) пространстве устоявшиеся литературные типы русского солдата, горцев дегероизированы, хотя нравственный аспект остается. В произведении В. Маканина отсутствует героический пафос войны. Она изображается в обытовленном ракурсе: картины военных действий сводятся к «операции по разоружению», забавам снайпера в ущелье, обмену оружия на продовольствие. Описания лишены поэзии и красоты: чувствуется лишь азарт, смекалка и логика точно рассчитанных действий по устранению противника. Причем военные действия, как часто у Л. Толстого, даются

опосредованно, через последствия, что выводит постижение этой темы на философский уровень.

В целом, и классические литературные доминанты кавказской темы и современная, передают драматизм судьбы человека, попавшего в круговорот войны и ставшего ее пленником. В финале рассказа возникает выводящий на новый уровень суггестивности вопрос: «Горы. Горы. Горы. ...но что, собственно, красота их хотела ему сказать? Зачем окликала?», «уже который век» тревожащий сознание не одного поколения русских на Кавказе [3, с. 477].

Мотив красоты в произведении В. Маканина тесно связан с религиозно-художественной философией классики XIX века, но реализован в новых условиях переходного времени. Финал рассказа формулирует концепцию бессилия и бессмысленности Красоты в реальной ситуации войны, и шире – кризисное состояние мира и человеческой души.

Изучение модификации и трансформации литературных доминант «кавказского» мотива в современной литературе позволяет на основе сравнения с классической выявить новые культурные коннотации этой темы в пространстве исторического дискурса конца XX в., а также обозначить духовно-бытийные координаты, актуальные в любую эпоху.

Использованная литература:

1. Генис А. Беседы о новой словесности. Беседа третья: прикосновение Мидаса: Владимир Маканин // Звезда. 1997. № 4. С. 228-230.
2. Кравченко Е. Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
3. Маканин В. Кавказский пленный: повести и рассказы. М.: Панорама, 1997.
4. Марченко А. И духовно навеки почил? // Новый мир. 1995. № 8. С. 215-217.
5. Роднянская И. Сюжеты тревоги. Маканин под знаком «новой жестокости» // Новый мир. 1997. № 4. С. 200-212.
6. Фатеева Н. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Academia, 2000. С. 122-129.

References:

1. Genis, A., Besedy o novoy slovesnosti. Beseda tret'ya: prikosnovenie Midasa: Vladimir Makanin (Conversations about the New Literature. Conversation the Third: Touch of Midas: Vladimir Makanin), *Zvezda*, 1997. no. 4, pp. 228-230.
2. Kravchenkova, E., *Khudozhestvennyy mir V. S. Makanina: kontseptsii i interpretatsii* (The Art World of Vladimir S. Makanin: Concepts and Interpretations): *Cand. Sci. Dissertation (Philology)*, Moscow, 2006.
3. Makanin, V., *Kavkazskiy plenny: povesti i rasskazy* (The Caucasian Captive: Novels and Short Stories), Moscow: Panorama, 1997.
4. Marchenko, A., «I dukhovno naveki pochil?» ("Falling then Asleep for Aye?"), *Novyy mir*, 1995, no. 8, pp. 215-217.
5. Rodnyanskaya, I., Syuzhety trevogi. Makanin pod znakom «novoy zhestokosti» (The Subjects of Anxiety. Makanin under the Sign of the «New Cruelty»), *Novyy mir*, 1997, no. 4, pp. 200-212.
6. Fateeva, N., *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov* (Counterpoint of Intertextuality or Intertext in the World of Texts), Moscow: Academia, 2000, pp. 122-129.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Шаройко, М. В. Рассказ В. Маканина «Кавказский пленный»: трансформация литературных доминант традиционного мотива [Электронный ресурс] / М. В. Шаройко // Наследие веков. – 2017. – № 1. – С. 46-50. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_1_Sharoiko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Sharoiko, M. V., Rasskaz V. Makanina «Kavkazskiy plennyu»: transformatsiya literaturnykh dominant traditsionnogo motiva (Vladimir Makanin's Short Story „Caucasian Captive“: the Transformation of Literary Dominants of the Traditional Motive), *Nasledie Vekov*, 2017, no. 1, pp. 46-50. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_1_Sharoiko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ЮГ РОССИИ:**ЯНВАРЬ-МАРТ 2017****СОБЫТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ****(СЕВЕРНЫЙ КAVKAZ****Республика Дагестан**

- 13 января Лакский государственный музыкально-драматический театр представил премьеру спектакля по пьесе «Казикумухская серенада» Казбека Мазаева.
- 24 февраля в Махачкале прошел Концерт лауреата международных конкурсов, заслуженного артиста Дагестана и Татарстана Айнура Бегутова.
- В рамках Международного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» с 10 марта 2016 г. по 21 февраля 2017 г. в Республике Дагестан прошел Международный форум-фестиваль народного творчества «Родники России».

Республика Ингушетия

- 20 января в Мемориальном комплексе жертвам репрессий (Назрань) открылась выставка из цикла «Горные орлы», посвященная полковнику Российской императорской армии, участнику I Мировой войны К. Г. Долгиеву.
- 10 марта в Научной библиотеке ИнГУ состоялось открытие передвижной выставки музея истории ГУЛАГА «Стена скорби».
- 16 марта в Республиканском Доме народного творчества прошел республиканский фестиваль самодеятельного народного творчества «Славься, Отечество мое!», посвященный 25-летию со дня образования Республики Ингушетия.

Кабардино-Балкарская Республика

- 17 января в Нальчике после ремонта вновь открылся Дом-музей Марко Вовчок.
- 2 февраля в Кабардинском драматическом театре им. Али Шогенцукова состоялся вечер, посвященный 95-летию со дня рождения народного писателя Кабардино-Балкарии, ученого-лингвиста и педагога Ахмедхана Налоева
- С 24 по 27 марта в столице Кабардино-Балкарской Республики прошел IV Международный музыкально-хореографический конкурс «Нальчик – подкова счастья». В мероприятиях фестиваля участвовали около 200 артистов из России и зарубежных стран.

Карачаево-Черкесская Республика

- 26 января в Государственной Национальной библиотеке им. Х.Б. Байрамуковой прошел вечер памяти Ю. Ш. Созарукова — члена Союза писателей России, автора слов государственного Гимна КЧР.
- 14 марта в концертном зале Детской школы искусств г. Черкесска состоялся Республиканский конкурс солистов и вокальных ансамблей «Без фонограмм».
- 25 марта в Усть-Джегутинском районе на базе Детской школы искусств микрорайона Московский прошел VI Республиканский конкурс фортепианных ансамблей, посвященный 25-летию образования Карачаево-Черкесской республики.

Республика Северная Осетия-Алания

- С 18 по 19 февраля во Владикавказе прошел Первый Межрегиональный фестиваль «Мир танца», в котором приняли участие более 500 артистов.
- В марте во Владикавказе был создан молодежный театр, первой постановкой которого стал спектакль «Лейтенант с острова Инишмор» режиссера Р. Цагараева по одноименной повести ирландского драматурга М. Макдонаха.
- 2 марта в Музее имени Коста Хетагурова (Владикавказ) открылась выставка под названием «Мода в национальном стиле», представляющая современные и традиционные женские платья, созданные по лекалам XIX века.

Чеченская Республика

- 26 января в Национальной библиотеке Чеченской Республики им. А. А. Айдамирова состоялась презентация второго тома сборника архивных документов и материалов «Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962 гг.)».
- 4 февраля на базе Мемориального комплекса Славы имени Первого Президента Чеченской Республики, Героя России А. А. Кадырова прошла выставка изделий мастеров декоративно-прикладного искусства Чеченской Республики.
- 15 марта в г. Урус-Мартан начался ежегодный Республиканский фестиваль-конкурс парного национального танца «Нохчийн хелхар» - 2017.

Ставропольский край

- 8-10 января в Пятигорске был проведен VI Всероссийский фестиваль традиционного творчества «Рождественские встречи», собравший более 500 участников из регионов Юга России, а также гостей из Москвы и Санкт-Петербурга.
- 1 февраля в Доме культуры города Георгиевска начал свою работу кинозал, адаптированный к физическим возможностям ставропольцев с нарушениями зрения и слуха.
- С 1 февраля по 10 марта прошел краевой фестиваль-конкурс театрального искусства «Театральный перекресток».